

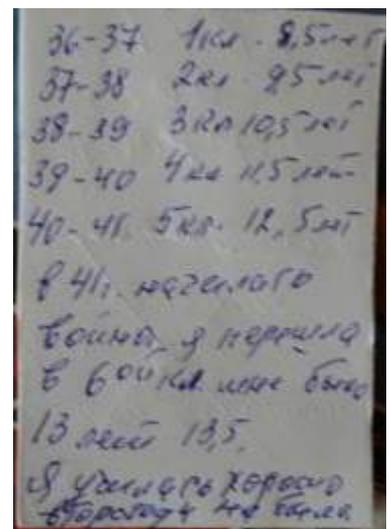


Баранова Рахиль Исааковна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..." "

Рахиль Исааковна, 87 лет, поделилась с нами историей ребенка, которого война лишила родителей и беззаботного детства.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Я родилась в Минске 7 января 1928 года. Когда мне было 4,5 года, моих родителей арестовали, и я несколько дней была дома одна. Подходила к входной двери и плакала – не могла открыть. Женщины на площадке боялись подойти и помочь еврейскому ребенку – это было опасно, так как означало, что поддерживаешь евреев. Но вечером все равно хлебные корочки заворачивали в папиросную бумажку и просовывали мне под дверь. А я всегда плакала, я была там одна.



Потом одна женщина не выдержала и пошла в **Записка**

НКВД и спросила, как так, ребенок один в закрытой квартире. И за мной пришла женщина в длинной юбке, кожаной куртке и красной косынке, взяла меня за руку и отвела в детский приют.

Мне и тетя говорила, запомни, ты родилась 7 февраля 28 года. А по паспорту я считаюсь 1926 года.

Папа погиб в 1937, не выдержал в ГУЛАГе, там тяжелая работа была. Маму освободили, но все отняли, она не могла прийти домой, чтобы взять даже паспорт, фотокарточки, так как забрали и квартиру, и все имущество, а она беременна моей сестрой была. Меня отправили в город Витебск, в дошкольный приют.

Во время войны мать, сестра и все мои родные погибли в гетто. У моей тети была фамилия Амстердам, она работала завучем в детском доме в Минске. Когда ее и группу детей вели в гетто, немцы избивали изможденных детей. Тетя не выдержала и вскрыла себе вены. В этой колонне была и моя сестра. Об этом написано в литературном ежегоднике №6 за 1990 год Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга.

В Витебске в приюте заведующая относилась ко мне очень плохо, враждебно, называла «ребенком врагов народа».

Когда мне исполнилось 7,5 лет, за восьмилетними детьми пришел директор Левин Борис Захарович. Моя подружка капризничала, не хотела идти без меня, плакала. Директора привели на футбольное поле меня показать, где я играла вратарем. А я стояла, очень красивая, но чумазая, он даже назвал меня Гаврошем.



Свидетельство о рождении

Тогда Борис Захарович пошел к заведующей попросить взять меня, на что она ответила «Когда ей будет восемь лет, ее отправят в приют для детей».

Они минут 40 или час ругались, а я стояла и наблюдала в дырку, как они спорят друг с другом. Она ему все время говорила, зачем вам ребенок врагов народа, а Борис Захарович ей отвечал, что это ребенок.

Борис Захарович вышел, злой уже. И говорит: «Иди за ворота». Я пошла, какая есть, грязная, в трусах. Мы пошли другой стороной, чтобы заведующая не видела. Директор просто меня украл.

Дети, которых Борис Захарович вел к себе в детский дом, были в новых платьях и костюмчиках, девочки, у кого стриженные головы, держали бантики руками. Я же была не мытая, не одетая, после футбола – вид хуже некуда. Но я очень рада и сейчас благодарна Борису Захаровичу, что благодаря ему попала в хороший детский дом. Это было в 1935 году.

Борис Захарович относился ко мне хорошо, а вот его жена тоже называла меня врагом народа.

До войны в детском доме было очень хорошо. Нас одевали, кормили, хорошо к нам относились. У нас были очень интересные красивые шерстяные платья, все разные и разных цветов. У мальчиков и девочек были еще матросские костюмчики с синими большими воротниками. Когда мы летом в них шли, люди восхищались.

Нас в выходные дни водили в кино, цирк. У нас был ансамбль, мы в нем пели, занимались жонглированием и акробатикой. Даже рукодельный кружок был, еще в шахматы и шашки играли. Ну и конечно, всякие игры во дворе. Жили хорошо и весело.

Борис Захарович часто читал нам всем книги. А нас было примерно 50 человек. Его жена, как я уже говорила, меня не переваривала. Их комната граничила с нашей спальней. Я всегда слышала, как они ругались: Борис Захарович меня защищал, а она была против меня.

На одном столе сидели по 3-4 детей. Посчитали, что много, поэтому меня отсеяли. Борис Захарович отправил в нулевку. До 1936 года я была в нулевке.

Училась с 8-ми лет, до войны закончила 5 класс, перешла в шестой. Память у меня была хорошая, училась прилично. По русскому были ошибки только. Но ни в одном классе не оставалась на второй год.



В детском доме

Моя тетя работала в Минске в приюте. Когда мне было 10 лет, мы были на экскурсии по всему городу и жили в этом приюте. И мы пошли искать маму. Родные часто брали маму ночевать, но никто не мог об этом говорить и чтобы никто не видел. Мама тогда родила Сонечку, мою сестру, 1933-1934 года рождения. Сонечка, видимо, тоже была в детском доме. Она была младше меня на 4 года, я ее никогда не видела.

1938 – 1940 года. Когда Борис Захарович с женой собирались в театр, то спорили, с кем оставить детей. Борис Захарович всегда говорил: «Розочка справится». Я тогда взяла имя матери – Рэйзел (то же самое, что Роза по-русски). Уже после 1971 я часто ездила к Борису Захаровичу. Он всегда радовался моему приезду, как дочери.

В 1941 году началась война. Мне было 13 лет. Так как моих документов Борис Захарович не мог взять, летали самолеты, было страшно, чтобы подтвердить возраст, то всем, кому не хватало до 16, в 1941 году прибавили возраст, мне почти два года добавили.



В детском доме

Как началась война, мы почти ни одной ночи не спали. Мы 3 или 4 дня в подвале были, а потом вырыли уже траншею на футбольном поле, и были там уже до отъезда, девять дней жили. Нас эвакуировали под носом у немцев в ночь на 1 июля 1941 года.

На нас были грязные летние платица. Немцы постоянно летали над нами, мы боялись даже ночью выйти из траншеи. Я как-то даже попросилась днем у Бориса Захаровича в туалет, это уже не первые дни были. У нас предбанник был сделан и ведро стояло. А я не могу в ведро – мне уже было 13,5 лет – мальчики тут ходят, ну не могу.

Туалет за сараем, который рядом с траншеей как раз был. Я сидела там, наверно, часа три. Летал немецкий самолет низко-низко. Страшно было. Если я выйду и побегу в траншею – я выдам. И я сидела в туалете и наблюдала в щель, когда он улетит.

А кормили нас – только хлеб кусочками давали. Яйца были, пока первые дни, сваренные, правда, уже стухшие, потому что ни холодильника, ничего не было. Поэтому в эвакуацию мы пошли еле живые. И эвакуировали нас в угольных вагонах. Это было страшно, что творилось. Мы все завшивели, а что это такое,

это когда человек голодный, у него заводятся вши. Но не только от голода, но и от грязи – и вши в голове, в белье, везде-везде. А мы немывые были целый месяц, в такой жаре. Воды нет, еды нет, просто кошмар.

Один раз уже поехали, думали, уже тихо. Борис Захарович прибежал, а он начальник эшелона, и сказал, что мы завшивели, надо помыть детей, они же даже спать не могут: «Роза, на тебе мыло», - одел платок на меня, - «сведи их куда-нибудь, но хоть как-нибудь помой».

И я побежала лужу или какое-нибудь озеро искать. И вы представляете, как я их мыла? Маленького между ног поставила, зажала, помочила, намылила, а дальше сам, так второго, третьего. И самой же хочется помыться, и их всех надо. Мы там полчаса, не больше, были. Дальше бегом, бегом обратно.

И вдруг один из ребят говорит: «Роза, немецкую речь слышу, но где-то далеко, может, за километр, может, меньше». И мы добежали до ямы, и спрятались за кучей веток и листьев. Два немца прошли мимо нас, разведка, видимо. А я все боялась за самую маленькую, что она пищать будет и выдаст, я ей держала рот, чтобы она не пискнула даже.

И потом мы бежим, а поезд уже тронулся, видно, раскрыли, что немцы здесь. Я бежать быстрее, с детьми. И по вагонам, по одному ребенку. А саму меня подхватили только в последнем вагоне.

Получается, я всех детей порассаживала по вагонам, а сама чуть не осталась. Это было что-то страшное. Таким образом, я спасла все-таки всех детей. Ну и меня кое-как втащили, всю поцарапанную. Так я в том вагоне и сидела, может, несколько дней, пока поезд не остановился.

У меня седина в это время появилась. А мне еще 14-ти не было. Все, кто видел, поверить не мог, я же тоже ребенок.

Ехали недели три, а может, больше. Мы не представляли уже себе числа и дни. В общем, приехали в Калининскую область, город Кашино, это первая эвакуация. Месяц пожили, немец подошел. Нас повели 20 км до Волги к теплоходу «Иосифу Сталину». А он к берегу подойти не может. И моряки вот что придумали. Мы, старшие, с берега детей несем на себе, пока вода не накроет с

головой. А старшие – это дети 12-ти, 13-ти, 14-ти лет. И вот мы идем, вода уже до самого носа, а там уже моряки нас подхватывают – и на палубу. Теплоход пристал ночью туда, где кусты, чтобы его не видно было. Ведь на обеих сторонах на нём большими-большими буквами, в человеческий рост, название: «Иосиф Сталин». Он вез нас только по ночам. И по Волге никакой город не хотел нас брать, говорили, нам евреев не надо. Так мы добрались до Юрьевца.

Юрьевец. Нас везли по Волге и еще пешком до деревни шли. В Юрьевце мы давали концерты для населения за небольшие деньги. Ходили по Волге, 12 км, в парусиновых туфельках и голодные. В день выступления нам давали маленький кусочек хлеба. И вот за этот кусочек хлеба мы давали три концерта. И в госпитале тоже давали концерты, но уже бесплатно – нас там немного подкармливали. Выступало человек десять, после нас кормили супом. Для нас это было как праздник.



Левин Борис Захарович

Нам там дали старую деревянную школу. Но она 4-5 лет уже не была школой, там хранили сено. Другие дети уже давно учились в новой, кирпичной. Но нам, старшим детям, все равно было некогда учиться. Здесь мы все делали сами, у нас не было воспитателя. Нашего воспитателя, Шнейдермана, забрали на фронт, и он погиб в первые же дни. Мы сами убирались за совсем маленькими

детьми. Жили в сарае. После выступления приезжали поздно, а с утра снова работа – стирка в холодной воде на речке, мыли полы, убирали все.

Мы были раздеты все и разуты, поэтому Борис Захарович все время был в отъезде – он ездил по всем городам, добывал нам одежду, еду. Нам дали двух воспитательниц, но мы их почти никогда не видели. Они нас обворовывали, мы видели, как они выносили продукты из кладовой, что предназначались для нас. И клопы там были, невозможно спать было, шли на работу и засыпали.

Пока осень была, мы в колхозе работали – и лен пололи, и солому складывали, и картошку копали. Картошку, бывало, и в январе-декабре собирали. Снега было выше головы и очень холодно. Картошку себе взять было невозможно, за нами следили. Если украдешь картошину – небо в клеточку увидишь.

Нам надо было каждому по десять корзин больших накопать, мы не выполняли норму. Для того чтобы поднять одну корзину, нам надо было вдвоем ее держать. А значит, если по одному, то и все двадцать неполных корзин надо собрать. Нам сказали, что если собираем десять корзин, то одну можем забрать себе в детский дом, а мы не получали этого. Эта одиннадцатая корзина была наша зарплата, её не получали, значит, работали задаром.

Летом в 1942 нас, четыре девочки и двое мальчиков, послали в ФЗО¹ в Иваново. Из Юрьевца мы плыли на пароходе по Волге мимо Сталинграда. И тут бомбежка началась. Немецкие самолеты, обстрел, а мы на пароходе, страшно. Народу было очень много, стояли плотно друг к другу. К нам подошла наша воспитательница, Анна Николаевна, и сказала нам, что она нас не знает, и мы ее не знаем. Только взяла одну девочку за руку, Марию Ковалевскую, которая вроде белорусской была, и отошла от нас. Воспитательница боялась, что везет еврейских детей. За свою шкуру пеклась, предательница. Даже люди, стоявшие рядом, удивились. Мы были худые, голодные, а она с нами так. Мария вырвалась и сказала: «Я как все», и подошла к нам.

¹ ФЗО - Школа фабрично-заводского обучения.

И Анна Николаевна пошла одна. Тогда подошла ко мне деревенская баба, которая рядом с нами тогда стояла. И она меня за голову и вниз, под свою широкую юбку, чтобы немец не увидел меня. А то волосы у меня черные, курчавые – типичная еврейская внешность. И сказала: «Сиди. Я сама тебя потом выпущу». Спасала она, может, меня, а может, и всех нас от бомбежки.

Дальше была вторая каторга. Добывали торф в деревянных клетках, через которые протекала вода (через доски). Когда конец смены, деревянные доски складывали друг на друга. Работу меняли каждые два часа: то торф добывали, стоя в жиже в яме, то складывали его. А было жаркое лето, тяжело было работать. Это была каторжная работа по 12 часов в день.

Далее нас отправили на лесозаготовку валить лес. Нас было собрано ребят человек тридцать. Мальчики, кому было по 15-16 лет, занимались дровами. А мы, четыре девочки, готовили им еду. Утром вставали в 4 часа утра, нужно эту плитку было растопить, эту пшенку или чечевицу сварить, чтобы накормить 30 человек. И они уходили за 20 км заготавливать дрова.

А в обед мы носили им еду, не было никаких тележек, все на руках. Котел супа, второе – их и сложно было назвать супом или вторым. Возьмешь чечевицу, размажешь ее по тарелке, там и есть нечего. Тогда чечевица была самой дешевой крупой. А на первое горох положишь. Ходили по деревне, просили еды. Все дома обойдешь и соберешь. Кто-то картошину даст, кто-то морковину, кто капусту даст. А то и не даст.

И вот что мы сможем собрать, из того суп и варим, потому что на один большой котел давали полтора-два стакана крупы. Собирали крапиву, щавель. Вот такой суп, туда все клали, что под руку съедобного подвернется.

Спали мы на сеновале. Работали с темна дотемна. Холодно. Так, наверно, месяца два работали на лесозаготовке. Там был мальчик, я ему была симпатична. И он только мне заготавливал дрова для плиты специально заранее.

Потом в ФЗО послали нас на станки. Толку от нас не было, маленькие были, организовали швейную группу. Учили шить. И вот потом целых три года я шила

для фронта. Это были телогрейки: стеганые, а внутри вата, еще также шили плащ-палатки, ватные брюки.

Для того чтобы вшить рукава в телогрейку, надо его сначала вметать. И никто не может, ни у кого не получается. А я до войны куклы шила, наша руководительница в детском доме даже говорила мне: «У тебя есть способности к шитью». И вот мастер на фабрике кричит: «Девочки, кто пойдет на вметку?». Мы уже тогда отставали. Нас было 30 человек, и норма была 100 телогреек в день. Полмесяца уже прошло, мы уже нашили рукавов, спинок, но с не до конца готовыми рукавами, без вметки. А никто не может вметать.

Я вызвалась: «Давайте я попробую». Попробовала, первая, вторая не получились, а третья и четвертая пошли. И мне надо было в день, чтобы разгрузить этот завал, по 300 рукавов вметать. У меня пальцы и сейчас до сих пор болят, кожа лопается, такая работа была – я прокалывала много наперстком вручную.

Потом нас выпустили из ФЗО. Попали на производство. И я работала машинисткой.

Еще до войны, у Бориса Захаровича, я на машинке написала маме письмо. Мама потом ответила: «Я так испугалась, когда получила печатанное на машинке письмо», она же мою подпись ниже не сразу увидела, что по-еврейски, внизу, уже своей рукой я написала.

Ну, вот им и понравилось, как я печатаю. Надо было печатать заявления, жалобы. Меня из-за этого не хотели отпускать на работу.

Меня в 1943 году отправили в отпуск на 10 дней, чего не было до этого времени. Я отправилась в детский дом. Бориса Захаровича не было. И я пожалела его детей и отдала Анне Львовне весь сухой паек. И она у меня все взяла. А когда обед пришел, я села с ребятами похлебку есть. А Анна Львовна меня взяла за руку и вывела из-за стола: «Ты не наша». Я пожалела их детей, что им есть нечего, отдала весь сухой паек, а она пожалела мне тарелку похлебки. Я, конечно, ни часу там больше не была.

Я села на пароход в Юрьевце и уехала. Я была очень голодная, потому что мне сразу билет было не достать. Три дня я была на пристани, потом только достала билет. Денег у меня мало было.

И хорошо, что я попала со студентками. Они ехали с отпуска в Иваново. Одна из студенток взяла меня за руку и в свою компанию повела. И вот они едят, а я смотрю с такими жадными глазами, отворачиваюсь. Одна мне дает белый хлеб, круглый, чуть ли не четвертинку.

Так мы до Иваново и доплыли, потом на поезде. Они меня не отпускали, взяли с собой и подкармливали. Я немножко уже освоилась.

И потом у меня еще были дни от отпуска. Мне надо было еще два дня кантоваться, поэтому я жила у них в общежитии. А потом уже все прошло, и я пошла в ФЗО.

Я, когда работала машинисткой, получала 400 рублей. На рынке встретила девчонок нашей группы. Они мне говорят: «А ты чего там сидишь? Мы по 2000 зарабатываем. Иди к нам, ты же способная».

Со слезами я вырвалась и пошла в группу работать. И когда я ушла, это был уже 1944. Я тогда 1,5 года стажа потеряла машинисткой.

И я пошла работать в швейную – шила по 15-16-17 телогреек полностью, от и до. Со мной работала ручница Лиза Чистякова, как сейчас помню, она молоденькая совсем была, мне помогала. Хорошая девочка, работающая. Ручница должна была мне по три-четыре штуки телогреек наметать заранее, чтобы у меня не было простоя, еще наматывала мне шпульки (это такие катушки в швейных машинах для намотки ниток), 50 шпулек у меня было!

А еще пленный цех сделал мне деревянную «ногу» с фанерой внизу, так как я не доставала до педали: высокий агрегат был и табуретки высокие.

Рабочая смена была с 4 утра до 4 дня. Представляете, каково было ребенку, ну ладно, 16-ти лет, вставать в такую рань? Спать хочется невыносимо и засыпала прямо на месте. До 1948 года так и работала в Иваново в этом цехе.

Еще с 1944 я начала сдавать кровь. Семь лет сдавала. За это платили и давали день отпуска, т.е. в день, когда сдала кровь, я могла не работать. В этом же госпитале с подружками, когда была возможность, я в бильярд играла. Я знала, что у меня кровь второй группы, отрицательная, она ценилась, ее нельзя было только в первую влить, а в остальные группы можно. И я соглашалась на переливание с меня раненому.

Как я узнала, что война закончилась. В четыре часа я пошла на работу, мы тогда работали уже по 10 часов. Сели, работаем, потом пошли на обед в столовку и услышали, как кричат: «Война закончена!» Нам разрешили бросить работу, и мы пошли на площадь, потом на рынок. Я всех целовала.

В 1945 пошли списки: кому медаль дадут за труд в войну. В правительство, как только попадал список с моей фамилией (где меня в первую очередь писали), меня сразу вычеркивали. Второй список – все тоже. Я уже говорю: «Не ставьте меня в первую очередь». В начале 1946 года все-таки прошла, и мне дали медаль.



**Воспоминания записали и оформили
Алена Порфоева и Полина Баранова**

2013г